

Михаил СИЛЬВАНОВИЧ

ДОМ С ВЫСОКИМ

Окно на втором этаже

Бывая в Таре, обязательно прихожу на площадь, которая раньше носила имя Карла Маркса, и еще издали, с того места, где в эту площадь впадает улица Советская, нахожу дом и первое от угла окно на втором этаже. Мысленно вижу продолговатую комнату с тремя столами. Первый стол у окна был моим рабочим местом в 1956 году, когда я 14 июня впервые пришел на работу в редакцию газеты «Ленинский путь».

Вообще-то это был стол заведующего сельхозотделом Старыгина, но он в то лето был на каких-то длительных сборах от военкомата, и меня приняли на половину его месячной ставки. По его возвращении я пересел за средний стол, ну и на полную ставку корреспондента возглавляемого им отдела.

Старыгин был маленького роста с крупным носатым лицом. От очков с круглыми массивными оправами лицо еще более укрупнилось и казалось несимметричным его росту. Добавьте к этому сигарету, вставленную в костяной мундштук и дымящуюся на изощренном удалении от кончика носа — это и будет Сергей Александрович Старыгин. Говорил он быстро, никогда не запинаясь, как будто читал с листа, даже с дееспричастиями и знаками препинания. Понимая, что по портрету у меня получился не Ален Делон, скрашу сказанное искренним признанием, что человеком Старыгин в моей памяти остался безупречным. Мы подружались и, когда разбегались, даже длительное время переписывались.

За третьим, крайним, если считать от окна, столом сидел Чашечников, наиболее близкий мне из всей редакции человек. Чашечников был на четыре года старше меня. Окончил Тарскую культпросветшколу, после чего несколько лет служил на ниве сельской культуры, заведовал клубом. Играл на баяне, вполне прилично читал со сцены. В жизнь редакции Леонид въехал по-купчески, можно сказать, триумфально. Как помню, заявил он о себе поэмой, которая называлась «Александр Сибиряк». Произведение обсуждалось на заседании литературного объединения, собиравшегося, кажется, по четвергам. Руководил объединением ответственный секретарь редакции Яков Горчаков. Это было заметное явление в культурной жизни Тары, объявление об очередном заседании давалось в газете, на заседание можно было прийти даже не будучи литератором, но заведомо все же были поэты, прозаики. Блистали Горчаков, Владимир Коршунов, известный читателям был Валентин Губин, обсуждались рассказы Юрия Галицкого, директор школы №7 Александр Герзон каждый раз покорял публику чтением вслух нового рассказа, он слыл мастером бытового, житейского жанра. Почему-то запомнилась одна демоническая фраза о том, как ге-

рой-ловелас, завоевывая сердце красавицы, «закрыв ее рот поцелуем».

Чашечников своей поэмой представил публике деревенского Василия Теркина по фамилии Сибиряк. Поэму все дружно хвалили. Правда, впоследствии Леонид, выросший в крупного поэта, не включил своего Сибиряка ни в один из десяти прижизненно вышедших сборников. Но все же поэма стала тогда визитной карточкой автора для читателей нашей газеты. Работать в «Ленинском пути» Леонид начал примерно в одно время со мной, может лишь немного раньше. Я уже сказал, что наши столы в рабочем кабинете стояли рядом, и мы гнали строчки в

отовсюду. И всегда хотелось пойти на его голос, он подспудно сулил очередную порцию юмора и оптимизма.

Беляев был заместителем при двух редакторах, затем, уже после меня, на многие годы сам занял главный пост в газете. Меня на работу принимал Атяков, исполняющий тогда обязанности редактора. Редактором же числился Самсонов, но он находился на учебе в партийной школе. С Иваном Васильевичем Самсоновым мне впоследствии доведется поработать всего несколько месяцев. С 1 сентября 1957 года я уезжал на учебу в Омский сельхозинститут. Но этих месяцев оказалось достаточно, чтобы он увидел во мне что-то такое, что заставило его, когда я был

стvom. Кроме того, что он был строгим учителем по газетному ремеслу, я никогда не забывал, что он был и фронтовиком, написавшим стихи, достойные всяческих литературных антологий. Это почти как «Каховка» у Светлова.

Шла папироска по околу

От губ до губ, от рук до рук.

И пулю трассирующую тропы

Чертили смерти полукруг.

Дырявя брестера откосы,

Свистел металл над головой.

Не докуривши папиросы,

Мы снова принимали бой.

И раскалялись автоматы

До первого броска гранаты.

Потом сходились на штыки

И смерть брала нас за грудки...

прожорливую газету, которая ненасытно требовала материалов о трудовых делах, за которыми надо было ездить и ездить по колхозам.

... Это я мысленно пробрался в тот кабинет через окно. Сейчас в том прежнем виде не существует ни кабинета, ни редакции. Конечно же, все стало удобнее, но — иначе. Раньше мы входили в редакционный дом со двора. Надо было подниматься по высокой крутой лестнице на второй этаж. А там за двумя дверями и коридором была развилка «дорог»: налево — это как раз к нам. Но на самой развилке располагалась комната, где всегда стучал старенький «Ундервуд» и было чему подивиться: редакционная машинистка Аня, не глядя на клавиши, умудрялась строчить с умопомрачительной скоростью, хрустящая каретка летала взад вперед быстрее, чем можно было вообразить по части машинописной виртуозности.

Наша комната была проходной, за ней располагался кабинет заместителя редактора Беляева. Никогда не выключил из своей судьбы этого человека, которого считаю главным наставником в профессии и жизни. Грустно об этом говорить, но из всего коллектива, работавшего в годы моего профессионального крещения в «Ленинском пути» в 1956-1957 годах, кажется, остались только мы с Дмитрием Денисовичем Двоем! Счастливы был бы в этом ошибиться.

До последних лет, пока Дмитрий Денисович жил в Таре, мы в мои короткие наезды обязательно встречались. Я мог приходить к нему домой по праву давнего знакомства с его строгой и очаровательной Александрой Изосимовной. Такое право заслужить удавалось не каждому. Фронтовой командир, вернувшийся с войны с пятью орденами, Беляев был в семье робким солдатом. Бывал я у него, когда Александры Изосимовны уже не стало, и видел, как ему одному было невозможно сносить одиночество. Сейчас, когда я из Москвы звоню в Красноярск — Денисович живет там у дочери — он узнает с полуслова, но замечает, что возраст берет свое: он каждый раз спрашивает, как я в Москве устроился и получил ли квартиру, хотя ему давно было известно, что у меня и с устройством, и с квартирой не было никаких проблем за все почти уже двадцать лет моего столичного жительства. Денисович почти на полтора десятка лет старше меня.

Беляев, Горчаков и другие

Мысленно часто возвращаюсь в редакционную ауру тех пятидесятых. И слышу басовитое бурканье Беляева. Это было не бурканье, а тем более не ворчанье, а именно бурканье. Могутич бас у Денисыча был таким густым, что даже стены оказывались не способными поглощать его, и короткие фразы, как горох, рассыпались по всей редакции, их было слышно

уже на последнем курсе института, через обком партии добиваться моего направления в Тарскую редакцию. Я давал согласие на это, но семейные обстоятельства и предложенная работа в областной газете помешали мне тогда вернуться в «Ленинский путь».

Атяков не был журналистом, не мог написать и двадцатистрочной заметки, но был педагогом и партийцем, засланным в газету от райкома партии. Старшее поколение журналистов знает, что наша профессия была неким придатком КПСС, и в практике парторганов было укоренено назначать редакторами газет именно партийцев. Мне в профессии везло, ни об одном из «партийных» редакторов не могу сказать худого слова. Профессио-нальной работе они не мешали и умели учить, а, если требовалось, то и принимали на себя ответственность за наши молодецкие творческие порывы. Иван Емельянович был из таких.

Кабинет редактора был по правую сторону от «развилки дорог» за дверью, обшитой черным дерматином. Перед ним была большая комната, где работали наши женщины: две Екатерины — Меньшенина и Королева, Пана Грабовская — бухгалтер и Мария Новоселова. Но часть этой большой комнаты была выгорожена стенкой, и за этой перегородкой решала судьба каждого номера газеты. Нередко оттуда слышался спор на сугубо профессиональном языке «за место под солнцем», то есть на газетных полосах. Там царствовал ответсек редакции Яков Горчаков. Газетчикам не надо объяснять, что такое ответственный секретарь редакции, но я должен объяснить, что такое — Яков Горчаков.

Пожалуй, не ошибусь, сказав, что своим поступлением на работу в редакцию я был обязан именно Якову Степановичу Горчакову. Еще когда я учился в школе, он как поэт был моим кумиром. Однажды я робко пришел на литературный «четверг» и лично увидел своего кумира, подпись которого привычно было видеть то под стихами, то под фельетонами почти в каждом номере «Ленинского пути». Горчаков, вдобавок ко всему, вел передачи с районного радиопункта. Черная тарелка в моем доме на улице Первой Северной уже в шесть часов утра оживала словами: «Говорит Тара...». Горчаков вживую вел репортажи с Первомайских и октябрьских демонстраций прямо с подножия памятника Ленину, стоявшего тогда на развилке улиц Советской и Свердлова и служившего главной городской трибуной для торжеств. Патетику праздничных рапортов о достижениях промышленных предприятий города и колхозов района Горчаков разбавлял и стихами тарских поэтов, а также своими собственными, равных ему в поэтической лире, по-моему, в Таре тогда не было.

Разумеется, и я в первый раз пришел в редакцию со стихами. И первые одобряющие и обнадеживающие слова услышал именно от Горчакова. Потом он, как ответственный секретарь редакции, будет лихо черкать мои газетные заметки. Пойдут суровые профессиональные уроки. Горчаков прекрасно владел и этим искус-

Мир перевернулся

Надо сказать, что в газетно-издательском деле за считанные годы мир буквально перевернулся. Об этом можно судить и по нынешней редакции «Тарского Прииртышья» — правопреемнице и наследнице нашего «Ленинского пути». Например, я из Москвы по электронной почте теперь могу передавать материал прямо в редакцию, и текст, не касаясь металла, ложится на газетную полосу, пройдя через немислимые компьютерные операции. У нас же связь с внешним миром осуществлялась через радиосвязь ТАРС. Коротко скажу, что это была за система. В кабинете редактора в углу у окна стоял столик с радиоприемником «Звезда». Это был удивительной красоты приемник красно-перламутрового цвета, не знаю, откуда он взялся, но аналогов я не встречал нигде ни до, ни после. Он всегда был настроен на одну волну, и в определенные дни, приуроченные к выходу газеты, в редакции назначался дежурный по радиосвязи. Ровно в час полудня, когда все уходило на обед, дежурный с листами бумаги и карандашом подсаживался к приемнику, и писал... диктант. Мягкий женский голос диктора оповещал: «Передаем сводку ТАРС для районных газет». Далее следовала медленная диктовка, буквально по слогам. Ну, например, следовала такая фраза: «Стригаль ставропольского колхоза имени Цурюпы Семен Засыпкин установил небывалый рекорд скоростной стрижки овец». Сначала произносилась фраза полностью, затем она разбивалась по слогам, а что касается сложных названий, фамилий и имен, то они передавались по буквам. Существовала определенная логистика перевода букв в слова. Иной раз меня коробит, когда слышу, как, например, букву «К» кто-то кодирует словом «конь» или «каша». «К» в фамилии, имени или каком другом трудно воспринимаемом на слух наименовании могла быть только «Константином», и не иначе. Если встречалась буква «Ы», то вряд ли кто догадается, в какой транскрипции она звучала, преобразенная в слово. Диктор не утруждал себя фонетическими изощрениями, а просто произносила слово «яры», и это означало «Ы». Вот как должно было прозвучать в сводке ТАРС название ставропольского колхоза имени Цурюпы: «Цапля-Ульяна-Роман - Юла-Павел-Яры», далее обязательно следовал повтор словом: «Цурюпы». Имя «Семен»: «Сергей-Елена-Михаил-Николай». Затем также диктовалась фамилия: «Зина-Анна-Сергей-Яры-Павел-Константин-Иван-Николай». И следовал повтор: «Засыпкин». Слово «пятьдесят» преобразовывалось в «полсотни», чтобы, не дай Бог, кто-нибудь из принимающих не спутал его с вполне созвучным «шестьдесят», а «пятьдесят пять» звучало как «полсотни пять».

«Подпольная» типография

Рукописный текст дежурного затем перепечатывался на машинке, и с ним Яков Степанович, вернувшись с обеда, «проваливался» в подполье. Да, в «Ленинском пути» была своя «подпольная»

Михаил Сильванович — член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат премии Союза журналистов СССР. В настоящее время — главный редактор журнала «Деловой вестник российской кооперации». Живет в Москве.

типография. Со второго редакционно-го этажа на первый, в типографию, можно было попасть через лестничный лаз, устроенный в углу большой редакционной комнаты. В «подполье» работали женщины-наборщицы, замечательные труженицы свинцового полиграфического века. Тексты они собирали из раскассированных по ячейкам букв на свинцовых ножках. Буквы складывались в строки, строки - в гранки, гранки чем-то обвязывались, стягивались, чтобы, Боже упаси!, не рассыпались и не пропал даром труд наборщицы. Из гранок составлялись полосы газеты, полосы заключались в тяжелые металлические рамы и стягивались винтами. Может, кому доступно припом-

При таких учителях надо было хоть в литературное творчество, хоть в журналистику идти только по-настоящему!

Чашечников

Я уже сказал, что наиболее близким мне человеком и другом был Леонид Чашечников. Леонид жил в Екатерининке с мамой, тетюшкой и сестрой, даже не помню, где он квартировал в Таре, но в летние месяцы мы частенько обретались у меня, на улице Первая Северная, спали на сарае под холщевым пологом. А на выходной день уезжали в Екатерининку. Возвращались к началу работы в понедельник. Нередко и по отдельности. Леша любил по утрам поспать. Я же с молодости и по сей день болен пунк-

занимался. И этого удалось достичь. Но каким образом? Я влюбил свою семью в моих редакционных коллег, воспользовавшись собственным двадцатилетним со дня рождения. С согласия родителей в наш дом на улице Первая Северная был приглашен весь костяк редакции. Столы поставили прямо во дворе. Компания понравилась не только моим родным, но и соседям. Пели фронтовые песни. Анекдоты, которые «травил» при своем голосе Беляев, слушала вся наша тихая улица. Кое-что коллеги сказали и обо мне, с точки зрения отца обнадеживающее. Чашечников разразился стихами:

Не могу я тебе ничего подарить,
Кроме тоста за дружеской чаркой...

мне надо было ехать в колхоз, в деревню Шуево. Что меня толкнуло в тот раз избрать для поездки водный транспорт, не помню, но с теплогохода «Лермонтов» меня ссадили на пустынный берег Иртыша, откуда до деревни надо было топать через пойму несколько километров. День был теплый, солнечный. Я прилеп на сухом бугорке и вздремнул. Проснулся от ветра, причем резко похолодавшего. Пришлось поспешить, но когда я подходил к деревне, уже валил густой, прямо-таки сказочный снег. Но было не до любований природным чудом: на мне были модные тогда спортивные тапочки и легкая куртка. Погода, судя по всему, разворачивалась обратно из мая в апрель. Так и случилось. Снег сменился дождем.

В колхозе меня расквартировали в каком-то доме, хозяйка кормила меня вкусными щами, но до конторы добираться в тряпочных тапочках было невыносимо. Пожилой бухгалтер, глядя на меня по-отечески, нашел выход - простей, как сама простота, но возможный, пожалуй, только в тех условиях, когда мы строили коммунизм. Он предложил мне под роспись на какой-то бумажке деньги из колхозной кассы. И сам же отвел меня в магазин, где мы подобрали кирзовые сапоги и прорезиненный серый плащ. Отсидев два дня над колхозными отчетами - кстати, только в пору строительства коммунизма корреспондентам доверяли копаться в деловых бумагах предприятий, тайн, подобных нынешним, не существовало - я стал задумываться об отъезде домой. Непогоды не прекращались, подходящих колес для бездорожья у колхоза не было. Деревня Шуево стоит в пяти или шести верстах от трассы Омск-Тара, но вряд ли и там можно было рассчитывать на попутку. Однако сидеть мне не хотелось. И выход опять же нашел пожилой бухгалтер.

У нас для подобных случаев есть Машка, - с хитрой улыбкой произнес он. Выглянув в окно, я увидел привязанную к яслям палисадника брюхатую гнедую лошадь. Оказывается, на Машке можно было верхом доехать куда угодно, а потом требовалось только закинуть повода на шею, и Машка возвращалась к себе на конюшню. Я был не первым и, надеюсь не последним, кто пользовался таким «внедорожником» в доиндустриальный период нашего журналистского существования.

Машку я, разумеется, отпустил с бо-
льшака. Дальше повезло с попуткой. Добравшись до редакции, я тут же почтовым переводом отправил деньги в колхоз, а плащ и сапоги мне хорошо служили еще много лет.

У каждого все вышло по судьбе

Эх, закончить бы эти воспоминания традиционной для подобных случаев тирадой: «Где вы, друзья-однополчане?» Это, наверное, тот случай, когда лучше растерять, чем твердо знать, что их уже не будет в твоей жизни никогда. У каждого все вышло по судьбе. Старыгин упокоен то ли в Тевризе, то ли в Усть-Ишиме - последнее место его работы, Аляков, Горчаков и Коршунов похоронены в Таре, Самсонов - в Омске. Не вернуться уже на родину и Беляеву. Давно потерял из виду женщин, которых выше упомянул и не упоминаю.

Да вот и сам уже подбираюсь к семидесяти и живу вдали от родины.

Редакционный дом с двумя этажами и высоким крыльцом... Я и в более поздние годы насовсем не отрывался от него, и потому так же близко знал поколение журналистов «Ленинского пути», которое сменило в редакции моих товарищей, о которых я рассказывал. Живые еще могут сказать о себе сами, а я вспомню ушедших. Александра Пешкова, Григория Шабалина, Александра Мамаева, Михаила Белозерова, Юрия Влащенко...

Знаю и поддерживаю, как могу, связь с теперешними коллегами из «Тарского Прииртышья».

Тарский дом с тем высоким крыльцом - это объект и субъект моей биографии. Как место своего профессионального крещения не забываю его никогда.

Слева направо: Екатерина Королева, Леонид Чашечников, Яков Горчаков, Сергей Старыгин, Дмитрий Беляев, Екатерина Меньшенина.

нить сотовую рамку для пчел? Вот, примерно такой «рамкой» выглядела газетная полоса в металле. По виду, конечно. А по весу сравнение полностью исключается, так как на печатную машину свинцовую «рамку» можно было перенести только вдвоем.

Я не помню, чтобы у нас в газете случалась такая трагедия, как распыление набора. Газетчиков нередко подстерегают другие трагедии, над которыми по прошествии лет обычно весело похихивают. Это текстовые ошибки. Водились они и в «Ленинском пути», куда ж от них было деться. Скажу об одной. Однажды газета вышла в свет с заголовком «Кто сегодня впереди». Во втором слове последнего слова вывалилась буква «е». Тогда нам было не смешно.

Вообще-то в редакции прикармливали всякие смешные истории обо всех и обо всем. Существовал такой накопитель. Вспоминаю как праздники, когда на том или ином сборище из каких-то тайников извлекалась папка, и редакцию сотрясали мощные взрывы гогота. Было над чем посмеяться. Но однажды случилось непонятное - это уже когда я стал бывать в редакции лишь редкими наездами. Папка куда-то исчезла. Пропала большая ценность. Кажется, она до сих пор не найдена. Очень жаль!

Расскажу одну забавную историю. Городское электричество тогда в Таре отключали в полночь, и если газета по какой-либо причине не успевала завершить свои роды, то приходилось работать при керосиновых лампах, а наш печатник Василий Стрельцов приводил в действие свой станок при помощи автономного движка с электрогенератором.

Я в тот день дежурил по номеру, в редакции мы оставались вдвоем с исполняющим обязанности редактора Иваном Емельяновичем Аляковым. Помню, уже Василий Петрович запустил свой движок, и мы с Аляковым в темноте спустились с высокого крыльца редакции во двор. Уже от ворот Аляков оглянулся и замер на месте: светилось окно его кабинета.

Что за черт, - ругнулся шеф, - ведь я же хорошо помню, как задувал лампу.

Пришлось мне с ним возвращаться в редакцию. В кабинете, разумеется, ничего не было, а лампа на столе горела полным накалом.

Шеф растерянно замер у порога. И вдруг, хлопнув себя ладонью по лбу, разразился громким смехом. Я ничего не понимал, а он по памяти восстановил свои действия. Уходя, он действительно дунул, но не в горлышко лампового стекла, а в стоящий рядом графин. Было и вправду смешно.

Мне довелось поработать в редакции «Ленинского пути» с 14 июня 1956 года по 31 августа 1957 года. Теперь с высоты более чем 50-летнего журналистского стажа те один год, два месяца и 16 дней считаю своим профессиональным крещением. Оно было крепким и убойным, если считать, что с тех пор я ни на день, ни на месяц не расстаюсь с пером и бумагой, даже если и доводилось работать на других, нередкционных, так сказать, должностях.

туальностью. Эту мою черту Чашечников, кажется, презирал, она была как пункт нашей принципиальной несовместимости. Чашечников навсегда останется для меня своеобразным поведенческим алгоритмом, по которому я оцениваю людей, подверженных распристрастности. Чашечников навсегда останется для меня своеобразным поведенческим алгоритмом, по которому я оцениваю людей, подверженных распристрастности. Чашечников навсегда останется для меня своеобразным поведенческим алгоритмом, по которому я оцениваю людей, подверженных распристрастности.

Хуже того, встречаются люди, которые любят своим скольжением по наклонной, видя и в этом свою исключительность. Леша, будучи еще неспорченным, таким, как все, уже пустил впереди себя молву о своей обреченности. В компаниях на бис шел его «Разговор со стаканом», в том стихотворении были такие строки: «Пьяный, как свинья, смеюсь до колик, а над кем смеюсь, спросить бы вас. Над собой смеюсь...». До такого состояния ему тогда было еще далеко, а он уже им, как бы, любовался. Об этом скажут стихи, которые приведу по другому поводу, а именно - по поводу, свидетельствовавшему о моем вхождении в профессию литератора и журналиста.

Признаюсь, у меня дома мой выбор профессии журналиста воспринимали неоднозначно. Мама тревожилась из-за постоянных разъездов по району, отец откровенно ерничал, называя мое занятие собиранием сплетен, старшие братья, как мне кажется, полагались на то, что от журналистики меня спасет будущая профессия инженера, которую я получу в институте (здесь надо сказать, что я в то время уже числился студентом землеустроительного факультета сельскохозяйственного института, но находился в академическом отпуске). Но это было делом будущего, а тогда мне, естественно, хотелось немедленно примирить моих родных с делом, которым я с упоением

Поэт с улицы Шарля Фурье

Стихотворцем и неумолимым журналистом был Володя Коршунов. Убежденный холостяк, он жил в простом родительском домишке неподалеку от редакции. Любое место всегда напоминало по первому впечатлению или... по бросившейся в глаза нелепиче. В точке обитания моего коллеги сразу налицо было то и другое. Прямо от дома открывался замечательный вид на разливы двух рек: Аркарии и Иртыша. Наверное, такой вид с детства предопределял поэтическое начало во Владимире Андреевиче. Нелепиче же была в том, что тихая, захолустная улочка, на которой стоял его дом, носила имя Шарля Фурье. Кажется, Беляев по этому поводу однажды «буркнул» о неотвратимости мировой революции в Таре. Действительно, с полдюжины тарских улиц носили имена Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Робеспьера, Августа Бебеля, Шарля Фурье, Карла Маркса, добавив сюда еще Коллонтай, Луначарского, ну какой же город мог быть без улиц Свердлова, Дзержинского... Странно, но почему-то не было улицы Сталина. А, может, я забыл?

Володя на моей памяти, но уже после меня несколько раз пытался исчезнуть из Тары, может, к этому его толкала «отвязанность» личного плана, я уже сказал, что он был убежденным холостяком. Но он всегда возвращался, и неизменно один.

Я и кобыла Машка

Автобусного сообщения по району в пятидесятые годы не было, средством передвижения были попутки с разными грузами, и в кабину в качестве пассажира попасть было редким везением. Ездить приходилось, как придется, но зато географию района лучше корреспондента газеты вряд ли кто знал.

Никогда не забуду одну свою командировку. Это было 9 мая 1957 года. Тогда День победы был рабочим днем, и